

ЭЛИТЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИСКУРСА И СИМВОЛИЧЕСКОГО

ОБРАЗЫ ИСТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ: ВЕРСИЯ ЭЛИТ И МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Н.И. Карбаинов

Цитирование: Карбаинов Н.И. Образы истории Волжской Булгарии в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 107–133.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.4>

Аннотация. *Средневековое государство Волжская Булгария занимает важное место в исторической политике современного Татарстана. Ее история преподносится в учебниках по истории Татарстана как «золотой век» и «одна из ярких цивилизаций Европы». История Волжской Булгарии, которая транслируется элитами в Татарстане, в отличие от истории Золотой Орды, не вступает в противоречие с исторической политикой современной России. При этом она используется татарскими элитами не только для целей исторической политики, но и для формирования туристического бренда республики. Для большинства жителей Казани Волжская Булгария, с одной стороны, самая интересная эпоха в истории Татарстана, что является отчасти результатом «булгаризации» в 2000–2010-е годы, с другой — большинство казанцев, в том числе казанцев-татар, не считают ее «золотым веком». Также большинство казанцев испытывают достаточно мало эмоциональных переживаний в связи с историей Волжской Булгарии, в отличие от событий XX в. Опираясь на результаты эмпирического исследования, мы можем говорить только о «частичной татаризации» (или «частичной булгаризации» в этом конкретном кейсе) массового исторического сознания со стороны татарских элит.*

Ключевые слова: *элита, Татарстан, национальная история, массовые представления, историческая политика, идеология.*

ВВЕДЕНИЕ

В результате распада СССР на постсоветском пространстве можно наблюдать стремительное развитие национальных историй в ныне независимых государствах СНГ и в регионах (в первую очередь в республиках) Российской Федерации [Национальные истории... 1999; Национальные истории... 2009; Шнирельман 2003; Историческая политика... 2012]. Историческое прошлое выступает важным ресурсом нациестроительства и формирования национальной идентичности. (Этно)национальные версии истории — важные идеологические инструменты, с помощью которых поддерживается легитимность политических элит [Андерсон 2001; Ассман 2004; Ферро 1992; Репина 2003]. В последние десятилетия элиты Татарстана были также активно вовлечены в создание национальной истории татарского народа и Татарстана [Rorlich 1999; Исхаков 1999; Davis et al. 2000; Shnirelman 1996; Шнирельман 2002; 2016; Zverev 2002; Усманова 2003; Овчинников 2010; 2015].

Конструирование элитами Татарстана национальной истории — хорошо изученная тема. В то же время до сих пор недостаточно исследована проблема влияния татарских элит на массовые исторические представления жителей республики. Именно эту проблему мы предлагаем частично раскрыть в рамках статьи. В литературе и СМИ можно встретить два альтернативных взгляда на проблему влияния татарской национальной идеологии на массовые представления жителей Татарстана: 1) «татаризации» и 2) «национальных архипелагов» или «национальных анклавов». В рамках первого можно выделить еще три позиции: «татаризации сверху», «татаризации снизу» и «встречной татаризации». О «татаризации сверху» рассуждает Р. Сулейманов. Так, по его мнению, в Татарстане выросло поколение молодежи, «которое всё, что ассоциируется с Россией, стремится унижить и оскорбить. Их возраст колеблется от 18 до 35 и выше, однако есть общая черта — они росли во время правления Минтимера Шаймиева, в эпоху разгула сепаратизма и борьбы “за суверенитет”. Они — это мои соплеменники, но те, кто впитал мировоззренческие установки учебников и литературы по истории Татарстана, подготовленных местными историками, с посылом о “вечной освободительной войне татарского народа” и “русских оккупантах”. Все они приняли “философию” татарского национал-сепаратизма, которая была мейнстримом общественно-политической жизни республики того времени» [Сулейманов 2014]. А. Фридли счи-

тает, что доминирующей идеологией в Татарстане является идеология мультикультурализма и на примере татарской молодежи Казани показывает, что «татаризация города» идет скорее снизу, чем сверху [Friedli 2012]. Х. Фаллер пишет о существовании двух автономных дискурсивных миров русскоязычных и татароязычных жителей и процесс «татаризации», по ее мнению, происходил как сверху, так и снизу [Faller 2011]. В качестве альтернативы идеи «татаризации» предлагается идея «национальных архипелагов» или «национальных анклавов» [Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007]. В соответствии с этой идеей татарские идеологи достигли весьма скромных результатов, и их влияние распространяется лишь на небольшие «национальные архипелаги» (в частности, татарские гимназии). Стоит отметить, что сторонники обоих взглядов опираются либо на собственные экспертные оценки [Сулейманов 2014], либо на результаты социологических и антропологических исследований, проведенных с помощью качественных методов [Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007; Faller 2011; Friedli 2012]. По сути, эти два взгляда могут выступить в качестве гипотез для количественного социологического исследования.

В предыдущих наших публикациях мы уже анализировали данную проблему на примере образов истории тюркской цивилизации [Карбаинов 2018a], идеологемы 1552 г. [Карбаинов 2018б] и образов революционных событий 1917 — 1920-х годов [Карбаинов 2018в]. Здесь мы рассмотрим проблему влияния татарской исторической идеологии на массовые представления на примере образов Волжской Булгарии. Таким образом, цель статьи — во-первых, проанализировать исторические дискурсы татарской элиты на примере конструирования образов Волжской Булгарии, и, во-вторых, рассмотреть, каким образом они представлены в массовом сознании жителей Татарстана.

Мы опираемся на эмпирические результаты коллективного проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» (Центр культурных исследований постсоциализма К(П)ФУ при поддержке Программы развития партнерских центров Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013–2014). Версию элит осветим с помощью анализа учебников по истории татарского народа и Татарстана, научно-популярной литературы, источников СМИ. Для анализа массовых исторических представлений используем нарративы из интервью и данные анкетного опроса жителей Казани (N=1000 респондентов).

Структура статьи строится следующим образом: в первом разделе мы проанализируем образы истории Волжской Булгарии, которые конструируются татарскими элитами, а во втором рассмотрим массовые представления жителей постсоветского Татарстана об этом историческом периоде.

ВЕРСИЯ ЭЛИТ

Создание национальной истории — один из важнейших инструментов нациестроительства (наряду с языковой и религиозной политикой) в постсоветском Татарстане [Сагитова 1998; Rorlich 1999; Davies et al. 2000; Низамова 2001; Zverev 2002; Graney 2009; Faller 2011; Derrick 2013]. Главным производителем национальной истории в Татарстане выступила татарская национальная интеллигенция при поддержке политических элит [Сагитова 1998; Davies et al. 2000; Низамова 2001].

Основными производителями и трансляторами национальной истории являются Институт истории Академии наук Татарстана, Казанский федеральный университет и другие научные и учебные заведения (в том числе татарские национальные гимназии) [Alvarez Veinguer 2007; Alvarez Veinguer, Davis 2007], Министерство образования и науки РТ, издательства, музеи и т.д. [Усманова 2003; Гилязов 2003; Graney 2009]. Ключевыми каналами трансляции идеологических дискурсов (включая исторические) в массовое сознание населения республики являются СМИ (газеты, телевидение) [Сагитова 1998; Сагитова 2003; Davies et al. 2000; Низамова 2001], учебные курсы по истории в средней и высшей школе [Гибатдинов 2003; Гилязов 2003; Мухарямова, Андреева 2013], публичные места, музейные экспозиции и архитектура [Graney 2009; Faller 2011; Kinossian 2012].

Одно из важных мест в национальной истории, создаваемой элитами современного Татарстана, занимает средневековое государство Волжская Булгария. В конце 1980–1990-х годов среди татарских ученых активно развернулась дискуссия между «булгаристами» и «татаристами» [Shnirelman 1996; Шнирельман 1998; 2002; Schamiloglu 2001; Цвиклински 2003; Уяма 2003]. Дискуссия велась вокруг истории Волжской Булгарии и Золотой Орды, и в конечном итоге ключевым в ней стал вопрос об идентичности татар. «Татаристы» делали упор на золотоордынских и половецких (кипчакских) корнях татарского народа и придавали соответственно большое значение истории Золотой Орды. Булгаристы,

в свою очередь, видели в качестве непосредственных предков татар волжских булгаров и всячески идеализировали Волжскую Булгарию. Некоторые радикальные «булгаристы» призывали даже к смене этнонима «татары» на «булгары». В результате в лагере татарских историков возобладал компромиссный взгляд на историю Волжской Булгарии и Золотой Орды. Оба исторических периода относительно гармонично были инкорпорированы в историю Татарстана и татарского народа. Требования радикальных «булгаристов» о смене этнонима народа и названия республики, разумеется, никто выполнять не стал. Несмотря на достигнутый компромисс между «булгаристами» и «татаристами», на наш взгляд, идеи сторонников первого лагеря повлияли на историческую политику в большей степени, чем идеи «татаристов». В этом случае важно отметить, что история Волжской Булгарии, которая транслируется элитами в Татарстане, в отличие от истории Золотой Орды, не вступает в противоречие с исторической политикой современной России. Вероятно, это стало одной из причин «булгаризации» Казани и других городов республики, особенно в 2000–2010-е годы. Так, в Казани есть мечеть с названием «Булгар», памятник болгарскому поэту Кул Гали, установленный в парке Тысячелетия, торгово-развлекательные центры, рестораны, гостиницы с названиями болгарских городов — «Биляр», «Сувар-плаза», «Биляр палас» и т.д. В Елабуге к 1000-летию города был возведен памятник болгарскому эмиру Ибрагиму I (Ибрагиму-градостроителю). При этом в Татарстане нет ни одного памятника, посвященного истории Золотой Орды. Вершиной «булгаризации» стало создание фонда «Возрождение» во главе с первым президентом Минтимером Шаймиевым. Важной составляющей деятельности фонда является реставрация древнего города Болгара, наряду со Свяжском. Несмотря на то, что в Болгаре сохранились только памятники эпохи Золотой Орды, он чаще всего ассоциируется именно с Волжской Булгарией.

По мнению местного эксперта Раиса Сулемайнова, важную роль в «булгаризации» исторической политики сыграл первый президент Татарстана М. Шаймиев, при чем уже после того, как перестал быть главой республики: «...Ведь Шаймиев начал с 2010 года заниматься возрождением булгар. Существовал абсолютный культ Золотой Орды, преувеличенного государства. Когда ему дали возрождение Болгара, и он начал с того, что стал апеллировать к Волжской Булгарии. А сама болгарская история, она трактовалась ведь как. Ведь булгары оказались жертвами монголо-

татарского нашествия. Вот. Это очень неудобно. Поэтому начался конструироваться миф, что Волжская Булгария — это была некая болгарская цивилизация. Как Тойнби написал, что была 21 цивилизация, а у нас, забыл, была еще 22-я цивилизация, это была болгарская. Выпускается книжка, которая так и называется: “Булгарская цивилизация”. Вот. И соответственно этот миф дальше и насаждается. Что это было такое мощное государство, целая своя цивилизация. То есть, есть исламская цивилизация, а есть, оказывается, болгарская еще. Это тоже хоть и мусульманская, но тем не менее. И трансформация. Те историки, в том числе Хакимов, которые занимались культом Золотой Орды, они в силу того, что конъектура местного правителя, пусть Шаймиева, такого лидера, даже неофициального, но тем не менее, сохранились его позиции, они вынуждены были под эту болгарскую цивилизацию все-таки склониться свою. И отсюда это началось» [ВПЭ-1].

Рассмотрим более детально, как представлены образы истории Волжской Булгарии на страницах учебных пособий и научно-популярной литературы. Булгары, согласно господствующей в Татарстане версии истории, являются одними из предков татарского народа. Как пишет Р. Хакимов, «гунны — тюрки — булгары (болгары) — татаро-монголы — современные татары — такова формула этногенеза татар. Эти близкие по языку и культуре этносы шли двумя мощными потоками: гунно-тюркским и тюрко-татарским. Гунно-тюркская волна оставила после себя государственность в виде Волжской Булгарии и Дунайской Болгарии, а тюрко-татарский поток наложился на болгарскую и кипчакскую среду, преобразовав многочисленные тюркские племена в единый тюрко-татарский народ. Особая роль в этом процессе выпала на долю Золотой Орды — одного из самых развитых государств своего времени» [Хакимов 2007: 271]. Данная концепция происхождения татарского народа представлена практически во всех учебных пособиях по истории Татарстана [Фахрутдинов 2000; Гилязов и др. 2008; Исхаков и др. 2009; Хузин и др. 2011; Хузин, Пискарев 2012]. Важно также отметить, что Волжская Булгария в национальной истории, создаваемой татарскими элитами, преподносится как первое собственное государство болгар (и соответственно современных татар) на территории Среднего Поволжья. Таким образом, закрепляется историческое право татарского народа на территорию современного Татарстана.

История Волжской Булгарии преподносится в учебниках по истории Татарстана как один из «золотых веков». Волжская Булгария, по мнению

татарских историков, является особой — «Булгарской» — цивилизацией. Например, в Болгаре действует музей Болгарской цивилизации, экспозиции которого в первую очередь посвящены истории Волжской Булгарии. В этом смысле татарские историки следуют моде на цивилизационный подход. Особенно эта мода актуальна для историков и обществоведов в постсоветских странах, в которых после краха коммунистической идеологии в СССР во второй половине 1980-х годов произошел отказ от схем марксистского формационного подхода, в результате чего огромную популярность приобрел цивилизационный подход [Шнирельман 2002]. Несмотря на обращение татарских интеллектуалов к цивилизационному подходу, одновременно сохранялись многие идеи формационного подхода. По мнению У. ван Мейрса, учебные пособия по истории Татарстана методологически мало отличаются от историографического канона советских времен. В основе всех рассмотренных учебников лежит модернизационная парадигма и нерелефлируемая вера в линейный прогресс [van Meurs 2003]. (Это неудивительно, так как практически все крупные татарские интеллектуалы — выпускники советских вузов.) Скрытая вера в линейный прогресс и нерелефлируемый европоцентризм заставляет татарских историков, в том числе авторов учебников, приводить множество доказательств высокого уровня экономического, политического и культурного развития тюрко-татарских государств, в том числе Волжской Булгарии. Так, в одном из учебных пособий по истории Татарстана мы можем прочесть, что «Булгарское государство славилось как страна городов <...> На булгарской земле стояло более пятидесяти больших и малых городов. Это были центры ремесла, торговли и культуры» [Хузин, Пискарев 2012: 33, 36] и «в Волжской Булгарии культура достигла высокого уровня развития. Она развивалась как часть восточной культуры. Булгары создали в Средние века одну из ярких цивилизаций Европы» [Хузин, Пискарев 2012: 41].

Подобный «цивилизационный» взгляд на историю Волжской Булгарии мы можем обнаружить в интервью с одним из представителей мусульманского духовенства: «И, естественно, так как это государство было крепким, и с помощью, как говорится, вот этой лиги наш народ превратился в один из таких культурнейших цивилизованных народов на этом... в этом регионе, в этом регионе. Это отмечали многие западные путешественники, они приезжали. Вот, например, был такой путешественник, Рубрук, и когда он увидел, прибыв в наше государство,

какие у нас города, какая у нас столица, какая у нас культура, он ахнул. И по его записям явно видно, что наши народы здесь на Волге были, намного опережали по многим цивилиз... по многим этим, по цивилизации по многим вопросам европейские государства. И даже мы, если мы можем прочитать про Биляр-город. Биляр-город — это была столица, большие времена нашей столицей был город Биляр. Он сейчас находится, его эти, как бы, под... южнее Алексеевского района, видимо, там он находился, его разрушили татары, именно татары. И вот он про Биляр пишет: когда он посетил, он говорит: “Когда я был в Лондоне, мне на голову могли со второго этажа вылить помои”, — вот такая у них культура была. Ну, человек идет, а не важно, вот. А в Париже, когда, я говорю, был в Париже, говорит, как пройдет дождь — там невозможно было по улицам пройти, ну, грязизици по пояс было, грязь по пояс было. Вот такой был Париж когда-то. Вот, понимаете, это значит, о чем говорю, что там цивилизация, которую они сейчас дошли — она не вечная, понимаете. Вот как раз наши даже опережали. А он когда приехал в Биляр — все дороги мощные, и из стволов деревьев, да, из глиняных труб было сделано <...> Все эти мощные были, был водопровод из стволов деревьев, из глиняных труб, водопровод и канализация» [ВПЭ-7].

Одним из главных достижений в истории Волжской Булгарии с точки зрения татарских элит является принятие ислама в качестве государственной религии в 922 г. «Булгария стала частью исламского мира <...> Принятие ислама Волжской Булгарией имело еще одно важное значение. Булгары могли приобщаться к мусульманской культуре, которая в те времена являлась передовой культурой Востока» [Хузин, Пискарев 2012: 38]. Это событие интерпретируется через призму одной из важных идеологем татарской исторической идеологии — исламоцентризма. В рамках этой идеологемы роль ислама в истории Татарстана оценивается исключительно позитивно, в отличие от негативных оценок, которые даются православию, например в форме упоминаний о «насильственной христианизации».

Таким образом, история Волжской Булгарии занимает важное место в исторической идеологии, создаваемой элитами Татарстана. В то же время история Волжской Булгарии используется татарскими элитами не только для целей исторической политики, но и для формирования туристического бренда республики.

МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В этом разделе проанализируем некоторые результаты, полученные в ходе реализации проекта «Войны памяти» и «конвенции памяти» в постсоветском Татарстане: элитарные версии исторического прошлого и массовые представления» с помощью методов интервью (N=170 информантов) и анкетного опроса жителей Казани (N=1000 респондентов). Поквартирный анкетный опрос был проведен в мае 2014 г. в городе Казани. Количество опрошенных — 1000 человек. В соответствии с распределением русских и татар в генеральной совокупности было опрошено 500 татар и 500 русских. Доля мужчин и женщин в выборке примерно совпадает с долей мужчин и женщин в генеральной совокупности: мужчин — 44,4 %, женщин — 55,6 %. Минимальный возраст респондентов — 18 лет, максимальный — 89 лет. Средний возраст — 41,6 лет (статистическая ошибка среднего — 0,51). Большинство опрошенных (71 %) относятся к категории людей, имеющих доход от 9000 до 29 000 руб.

Интервью мы брали как у экспертов (историков, политических активистов и т.д.), так и у простых жителей Казани. Исходя из цели нашей статьи мы воспользуемся материалами интервью, проведенных с представителями последней группы. Мы не задавали конкретных вопросов ни по истории Волжской Булгарии, ни по другим историческим событиям и эпохам. Интервьюеру необходимо было узнать у информанта его представления о «нашей истории» и ее оценку. Предполагалось, что информант самостоятельно выберет то, что для него является «нашей историей». В этом случае информант сам идентифицировал себя как часть «воображаемого сообщества» (государства, той или иной этнической или социальной группы). Кто-то выбирал в качестве «нашей истории» историю России и (или) СССР, кто-то — историю Татарстана и (или) татарского народа, для кого-то важна была история своего города.

Какое же место занимает история Волжской Булгарии в массовых представлениях жителей Татарстана? Начнем с анализа интервью. Исторические сюжеты, связанные с Историей Волжской Булгарии, достаточно хорошо представлены в интервью с теми информантами, которые определяют свою этническую идентичность как булгары или татары. В интервью с русскими информантами сюжеты, связанные с историей Волжской Булгарии, практически не упоминаются.

Начнем наш анализ с первой группы информантов, которые считают себя булгарами. Стоит отметить, что, по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., в России проживают 1732 булгар, в основном на территории Татарстана и Чувашии. Центральное место в исторической картине булгарских информантов занимает история булгарского народа и Волжской Булгарии. Предками современных татар, по мнению этих информантов, являются булгары, а не татаро-монголы, из-за которых булгарский народ имеет неправильный этноним «татары»: *«Я считаю даже не то, что я считаю, это так и есть, наши предки были булгары. Многие называют, там, у кого ни спросишь, ну кем являлись они? Они говорят татаро-монголы, я вот полностью не согласен с ними, потому что татаро-монголы — это совсем другой народ, который как раз-таки пытался истребить нас, булгар. А они вытесняли нас, с наших земель, ну как бы так <...> Булгары, которые сейчас называются татарами, они как бы остались. Так же, они и обитают здесь, живут все в Татарстане. В прошлом веке просто, название булгары, как бы, просто исчезло, это название. Ну, это государство, на Руси вроде бы это было. Все, как бы, хотели полностью искоренить это название булгары и дали название татары [БТ-1].*

Булгарские информанты склонны идеализировать историю Волжской Булгарии и говорить о ее высоком уровне развития: *«Ну да естественно. Когда булгары существовали. Они были очень богатым народом. То есть все завидовали этому народу, так как, ну, очень большая территория, на которой они обитали, Волжская Булгария, она была богата различными вот, ну памятниками, сейчас уже. На тот момент это были города величайшие, которые воздвигались по таким технологиям, по которым не было вот ни у кого таких технологий. То есть булгары, они очень рано начали, ну вот эту всю технологию принимать к себе» [БТ-1].*

В интервью с татарскими информантами встречаются как нарративы о чисто булгарском происхождении татарского народа, так и нарративы, в которых воспроизводится взгляд татарских элит. Так, нарратив о происхождении татар от волжских булгаров представлен в следующем интервью: *«Я привыкла считать, что мои предки — это волжские булгары, у которых была развита собственная цивилизация, они были очень развиты, была развита легкая промышленность. Мои предки — это Сююмбике, как личность историческая. Это Габдула Тукай, Муса Джалиль, это все, чему нас учили в школе <...> идеи о том, что предки*

татар — кочевые народы, она мне не очень нравится, потому что волжские булгары вели оседлый образ жизни. Кочевые признаки типа, что лошадиное мясо у нас едят, в других областях не так же. Что кумыс, хотя он из Башкирии, да, из Башкирии кочевые черты принесло, башкиры из кочевых народов, хотя они нам родные. Я сама выросла на границе с Башкирией» [ВПМ-3]. Интересно отметить, что в этом интервью информант воспроизводит официальную точку зрения о булгарской цивилизации.

В других интервью информанты говорят о том, что, помимо волжских булгар, на этногенез татарского народа повлияла также Золотая Орда.

Инф.: Так как я по национальности например, татарка, то тоже истоки очень там связаны и с Китаем, и, допустим, с Булгаром, то есть как это все сформировалось, и с Золотой Ордой.

Инт.: Ну а кто получатся предки татар?

Инф.: Ну это то, наверное, все-таки связано с Золотой Ордой еще так, описывается да. Если знать историю Золотой Орды, то оттуда истоки татары вот именно и выходят но вообще вот прям из памяти стало выходить, я знаю что татары это вообще с китайского какого-то там переводится, вот так что истоки татары очень-очень древние происхождение татар и переходило как бы татары переходили в булгары например как бы под этим происхождением, но кто такие татары вопрос был? Кто предки татар, какими они были? Ну если взять вот Золотую Орду, Волжскую Булгарию, то это были какой народ сказать, был языческий потом перешел в ислам., тое есть принял ислам, стал исламским народом и как бы какой же наш народ, какие истоки [ВПМ-8].

Инт.: Кто наши предки?

Инф.: Если о татарах говорим, то территория насколько я знаю она на протяжении веков переходила из влияния одних народностей к другим. Считается, что все-таки, булгары. А потом с приходом татара-монгольского ига, я могу все напутать, но я так примерно все представляю, лет 150–200 эта территория была под монгольским игом. А потом Иван Грозный, здесь уже сильное влияние получается Руси. Соответственно, чем уникальна эта территория — здесь смешение. О булгарах мы мало что знаем, о татара-монголах знаем чуть больше. И уже времена Ивана Грозного.

Инт.: *А предки-то наши для тебя кто? Твои предки?*

Инф.: *Сложный вопрос, потому что сказать совсем татаро-монголы не могу, но что-то татаро-монгольское во мне есть, я это понимаю. Если здесь меня считают женщиной с европейской внешностью, за рубежом что-то азиатское видят, у кого глаз не замылен, они мне об этом говорят. Кто-то, наверное, из болгар, и татаро-монголы, кто-то там пошалил [ВПМ-10].*

В одном из интервью информант, отвечая на вопрос о «наших предках», противопоставляет официальную историю семейной памяти.

Инт.: *Если говорить о предках, кто наши предки?*

Инф.: *Предки татар или вообще?*

Инт.: *Татар.*

Инф.: *Булгары по официальной версии.*

Инт.: *А по твоему мнению? Кто твои предки?*

Инф.: *Мои предки — это моя семья, если так неглубоко копать, дедушки, у меня папа очень любит историю, у него очень много поколений. Я особо не сильно интересуюсь на самом деле, для меня это второстепенный момент, но папа мой любитель, большое древо он собрал. Возможно, у меня возраст еще такой, папе моему уже 60, может быть, и я к этому возрасту созрею [ВПМ-9].*

Большинство информантов-татар имеют определенные знания об истории Волжской Булгарии, которые они, вероятно, почерпнули из учебных пособий по истории Татарстана: «*Наши историки говорят, что булгары в 9-х веках основали здесь небольшие городки, крепости, начали собирать налоги по Волге, развивать свои ремесла. Вот 9-й век говорят, что появились какие-то городки, в том виде на сегодня ничего не осталось, образовалась Казань, более древние города были разрушены монгольским нашествием. Золотая орда развалились, остались ханства, которые были затем завоеваны Московским государством. Первые поселения, насколько нам преподавали — это 9-е века, такие городки в начале 10 века, это были такие серьезные крупные города на пересечении торговых путей — Булгар, Биляр, Сувар*» [ВПМ-4].

Но некоторые информанты демонстрируют полное незнание истории Волжской Булгарии.

Инт.: *Ну, а кто правил на этой территории?*

Инф.: *Ну, я насколько я знаю, булгары вроде бы.*

Инт.: *А, кто такие булгары?*

Инф.: *Вот этого я вообще не знаю [ВПМ-5].*

В интервью также встречаются сюжеты, в которых искажаются общепризнанные исторические факты. Например, один информант говорит о том, что, когда булгары пришли на территорию современного Татарстана, на ней проживало «исконно русское население», а после Казанского ханства было татаро-монгольское иго.

Инт.: Какая территория была территорией наших предков ты примерно сказала — это территория Булгарии. Кто был правителем на этой территории?

Инф.: В период Волжской Булгарии, по-моему, булгары — это определенная народность, которая сюда пришла, это не исконно русское население. Они пришли, стали обустраивать, если о Казани говорить. Потом, мне кажется, было Казанское ханство, потом татаро-монгольское иго, потом пришел Иван Грозный, потом в советские времена какая-то автономия и сейчас она, вот так вот, наверное [ВПМ-10].

Далее перейдем к анализу анкетного опроса. Отвечая на вопрос о предках татарского народа, большинство информантов поддерживают господствующую среди татарских элит концепцию происхождения народа. Так, вариант «Волжские булгары и татаро-монголы» выбрали 23,8 % татар и 24,1 % всех респондентов (табл. 1). Версию о происхождении татар исключительно от булгаров выбрали меньшее количество респондентов — 15,4 % (табл. 1).

Таблица 1

Предки татарского народа¹

Как вы считаете, кто является предками татарского народа? (выберете, пожалуйста, один вариант ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Волжские булгары и татаро-монголы	23,8 %	24,4 %	24,1 %
Татаро-монголы	20,2 %	21,6 %	20,9 %
Древние тюркские племена	18,8 %	18,4 %	18,6 %
Волжские булгары	15,4 %	15,4 %	15,4 %
Кряшены	6,8 %	5,2 %	6,0 %
Шумеры	1,2 %	1,6 %	1,4 %

¹ В этой таблице, как и в следующих, представлены не все варианты ответов, которые присутствовали в анкете. Варианты ответов приводятся не том порядке, в котором они стояли в анкете, а в порядке убывания.

Отвечая на вопрос «Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас?», 34,3 % казанцев и 40 % казанцев-татар выбрали вариант «Волжская Булгария» (табл. 2). В этом случае можно говорить об успехе «булгаризации» массового исторического сознания со стороны татарских элит.

Таблица 2

Наиболее интересные эпохи в истории Татарстана

Какие эпохи в истории Татарстана наиболее интересны для вас? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Волжская Булгария	40 %	28,7 %	34,3 %
Золотая Орда	20,9 %	19,1 %	20 %
Казанское ханство	23,9 %	16,1 %	20 %
Время царствования Екатерины II	14,4 %	15,7 %	15 %
История Казанской губернии в XIX в.	12,2 %	13,4 %	12,8 %
История постсоветского Татарстана	11,0 %	8,7 %	9,8 %
Древние тюркские государства Евразии (государство Хунну, Тюркский каганат)	6,9 %	7,9 %	7,4 %
Революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг.	7,3 %	7,5 %	7,4 %

В ответе на вопрос «С какого момента, на ваш взгляд, начинается история Татарстана?» 17,2 % казанцев и 18,2 % казанцев-татар считают отправной точкой создание Татарской АССР, а 15,7 % казанцев, 16,6 % казанцев-татар считают началом истории появление Волжской Булгарии. Для 5,6 % казанцев, 5,4 % казанцев-татар история Татарстана началась после принятия ислама в 922 г. (табл. 3).

На вопрос «Какой период истории Татарстана, на ваш взгляд, можно назвать золотым веком?» 17,4 % казанцев и 17,2 % казанцев-татар ответили, что считают «золотым веком» в истории Татарстана «настоящее время». Советское время (правление Сталина, Хрущева и Брежнев) выбрали 16,5 % казанцев и 16,2 % казанцев-татар; 14 % казанцев 15,8 % казанцев-татар считают «золотым веком» историю Казанского

Таблица 3

Начало истории Татарстана

С какого момента, на ваш взгляд, начинается история Татарстана? (один вариант ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Создание Татарской АССР	18,2 %	16,2 %	17,2 %
Появление Волжской Булгарии	16,6 %	14,8 %	15,7 %
Появление Золотой Орды	8,4 %	14,2 %	11,3 %
Присоединение к Московскому государству при Иване Грозном	9,8 %	9,0 %	9,4 %
Создание Болгарского ханства Кубратом в Причерноморье	8,8 %	8,6 %	8,7 %
Принятие ислама в 922 г.	5,4 %	5,8 %	5,6 %
Создание Казанского ханства	5,0 %	4,6 %	4,8 %
Создание Тюркского каганата	4,8 %	3,8 %	4,3 %

ханства, 13,2 % казанцев, 12,6 % казанцев-татар — историю Золотой Орды, и только 5,6 % казанцев, 6,6 % казанцев-татар — историю Волжской Булгарии (табл. 4).

Таблица 4

«Золотой век» в истории Татарстана

Какой период истории Татарстана, на ваш взгляд, можно назвать «золотым веком»? (один вариант ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Настоящее время	17,2 %	17,6 %	17,4 %
Казанское ханство	15,8 %	12,2 %	14,0 %
Золотая Орда	12,6 %	13,8 %	13,2 %
Тюркский каганат	7,0 %	5,0 %	6,0 %
Волжская Булгария	6,6 %	4,6 %	5,6 %
Государство Хунну	5,0 %	4,8 %	4,9 %

Несмотря на то что многие респонденты испытывают интерес к истории Волжской Булгарии, при ответах на вопросы с эмоциональной оценкой (гордость, стыд, трагичность) большинство опрошенных выбирали, за некоторыми исключениями, события XX в., а история Волжской Булгарии уходила на второй или даже третий план. Так, отвечая на вопрос «Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего?», 31,2 % казанцев и 28,4 % казанцев-татар выбрали вариант «Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 28,9 % казанцев и 27,7 % казанцев-татар гордятся Универсиадой в Казани 2013 г., принятием ислама в 922 г. — 9,3 % казанцев и 14,5 % казанцев-татар, образованием Волжской Булгарии — 12,4 % казанцев и 12,5 % казанцев-татар (табл. 5).

На вопрос «Какие события вы считаете самыми трагическими и эпохами в истории Татарстана?» 34,2 % казанцев и 32 % казанцев-татар ответили, что самой трагической эпохой в истории Татарстана считают Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Вариант «монгольское завоевание Волжской Булгарии» выбрали 11,5 % казанцев и 13,1 % казанцев-татар (табл. 6).

Таблица 5

События, которые вызывают гордость в истории Татарстана

Какими событиями в истории Татарстана вы гордитесь больше всего? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Победа в Великой Отечественной войне	28,7 %	34,3 %	31,5 %
Универсиада в Казани в 2013 г.	27,7 %	31,1 %	28,9 %
Основание Казани	22,2 %	22,8 %	22,5 %
Открытие Казанского университета	18,2 %	21,2 %	19,7 %
Избрание М.Ш. Шаймиева президентом РТ в 1991 г.	16,0 %	11,5 %	13,7 %
Образование Волжской Булгарии	12,5 %	12,3 %	12,4 %
Принятие ислама	14,3 %	4,2 %	9,3 %
Оборона Казани 1552 г.	8,5 %	7,7 %	8,1 %
Провозглашение суверенитета Республики Татарстан в 1990 г.	7,3 %	8,5 %	7,9 %
Образование Казанского ханства	2,6 %	4,8 %	3,7 %

Таблица 6

Трагические страницы истории Татарстана

Какие события и эпохи вы считаете самыми трагическими в истории Татарстана? (не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	32,3 %	37,1 %	34,7 %
Война в Афганистане	15,1 %	19,0 %	17,0 %
Война в Чечне	13,7 %	16,3 %	15,0 %
Гонения на мусульман в XVI–XVIII вв.	14,9 %	12,2 %	13,6 %
Революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1922 гг.	11,1 %	13,3 %	12,2 %
Сталинские репрессии	11,1 %	14,1 %	12,6 %
Падение Казани в 1552 г.	11,7 %	6,1 %	8,9 %
Сворачивание суверенитета Татарстана в 2000-е годы	5 %	4,1 %	4,6 %
Распад СССР	9,5 %	8,2 %	8,8 %
Распад Тюркского каганата	1,8 %	1,2 %	1,5 %

Больше всего «не повезло» историческим деятелям Волжской Булгарии. Так, отвечая на вопрос «Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории Татарстана?», Алмуша (правителя, при котором ислам стал государственной религией Волжской Булгарии) назвали 3,1 % казанцев и 3,2 % казанцев-татар, халифа аль-Муктадира (именно он отправил своих послов в Волжскую Булгарию для официальной передачи ислама) выбрали только 2,3 % казанцев и 2 % казанцев-татар (табл. 7). Лидирующая тройка исторических деятелей в этом вопросе выглядит следующим образом: 1-е место — Минтимер Шаймиев (52,1 % казанцев и 53,2 % казанцев-татар), 2-е место — поэт Муса Джалиль (26,6 % казанцев и 26,7% казанцев-татар) и 3-е место — поэт Габдулла Тукай (19,1 % казанцев и 19,3 % казанцев-татар) (табл. 7). В то же время 30,3 % казанцев и 25,6 % казанцев-татар просто не знают, кто такой Алмуш, а 31,8 % казанцев и 27,6 % казанцев-татар не знают халифа аль-Муктадира.

Таблица 7

**Выдающиеся личности, сыгравшие наиболее значимую роль
в истории Татарстана**

Кто из выдающихся личностей, по вашему мнению, сыграл наиболее значимую роль в истории Татарстана? (выберете, пожалуйста, не более трех вариантов ответа)	Татары N=500	Русские N=500	Всего N=1000
М.Ш. Шаймиев	53,2 %	51,0 %	52,1 %
Муса Джалиль	26,7 %	26,5 %	26,6 %
Габдулла Тукай	19,3 %	18,8 %	19,1 %
Чингисхан	12,4 %	15,6 %	14,0 %
Сююмбике	15,3 %	9,3 %	12,3 %
Иван Грозный	10,0 %	10,9 %	10,5 %
Алмуш	3,2 %	3,0 %	3,1 %

Таким образом, с одной стороны, для большинства жителей Казани история Волжской Булгарии — самая интересная эпоха в истории Татарстана, что является отчасти результатом «булгаризации» в 2000–2010-е годы, с другой — большинство казанцев, в том числе казанцев-татар, не считают эту эпоху «золотым веком». Также большинство казанцев испытывают достаточно мало эмоциональных переживаний в связи с историей Волжской Булгарии, в отличие от событий XX в. Поэтому исходя из результатов эмпирического исследования можно говорить только о «частичной татаризации» (или «частичной булгаризации» в конкретном кейсе) массового исторического сознания со стороны татарских элит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении мы попробуем ответить на следующий вопрос: почему история Волжской Булгарии, несмотря на высокий интерес со стороны жителей Татарстана, вызывает у них достаточно мало эмоциональных переживаний? Первая причина слабых эмоций по отношению к истории Волжской Булгарии, как и других периодов «далекой истории», — их бесполезность в повседневной жизни. Простые люди живут

больше насущным настоящим, чем историческим прошлым. В том случае если историческое прошлое имеет значение для некоторых людей, более значимыми являются события недавнего прошлого. В Татарстане больше востребована и эмоционально окрашена близкая история XX в. (например, события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.), чем относительно далекая история Волжской Булгарии. Этот факт можно также объяснить тем, что в трансляции истории XX — начала XXI в. задействованы не только институты культурной памяти, но и коммуникативная память, передающаяся в устной форме на протяжении 3–4 поколений [Ассман 2004].

Вторая важная причина состоит в том, что, несмотря на доминирование в Татарстане на элитарном уровне, татарская национальная идеология не выдерживает конкуренции на уровне массовых представлений с исторической идеологией, создаваемой в первую очередь в Москве и Санкт-Петербурге. Например, память о Великой Отечественной войне — ключевой элемент исторической идеологии современной России. Она активно транслируется с помощью системы образования и СМИ в массовое сознание. Татарские элиты не выдерживают конкуренции за умы с федеральными элитами. Особенно сложно стало конкурировать с ними после начала политики сворачивания суверенитета Татарстана начиная с 2000-х годов. В то же время история Волжской Булгарии, которая транслируется элитами в Татарстане, в отличие от истории Золотой Орды, не вступает в принципиальное противоречие с исторической политикой современной России. Также важно отметить, что, история Волжской Булгарии используется татарскими элитами не только для целей исторической политики, но и для формирования туристического бренда республики.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 288 с.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Гибатдинов М.М. Преподавание истории татарского народа и Татарстана в общеобразовательной школе: история и современность. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 160 с.

Гилязов И. Из опыта преподавания национальной истории: история татарского народа в Казанском университете — вчера и сегодня // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 359–366.

Гилязов И.А., Пискарев В.И., Хузин Ф.Ш. История Татарстана и татарского народа с древнейших времен до конца XIX века. Казань: Хэтер, 2008. 269 с.

Историческая политика в XXI веке: сб. статей / под ред. А. Миллера и М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.

Исхаков Д.М., Измайлов И.И., Гилязов И.А., Гибатдинов М.М. История татарского народа (с древнейших времен до конца XVII века). Казань: Магариф, 2009. 423 с.

Исхаков С. История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» // Национальные истории в советском и постсоветском государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 1999. С. 273–295.

Карбаинов Н.И. Идеологема 1552 года в постсоветском Татарстане: версия элит и массовые представления // Власть и элиты. Т. 5 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2018. С. 211–237.

Карбаинов Н.И. Образы истории «тюркской цивилизации» в постсоветском Татарстане: элитарные версии и массовые представления // Журнал социологии и социальной антропологии, 2018. Т. 21, № 2. С. 45–74.

Карбаинов Н.И. Образы революционных событий 1917–1920-х гг. в постсоветском Татарстане: версии элит и массовые представления // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 77–98.

Мухарямова Л.М., Андреева А.Р. Институционализация национальной школы в постсоветской России // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей к юбилею Л.М. Дробижевой / под ред. Р.Н. Мусиной, Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 87–115.

Национальные истории в советском и постсоветском государствах / под ред. К. Аймермахера и Г.М. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XX, 1999. 432 с.

Национальные истории на постсоветском пространстве — II / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г.М. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРОXX, 2009. 372 с.

Низамова Л.Р. Медиа-продукт и «национальная» идеология: кейсстади Всемирного конгресса татар // Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане / под ред. С.А. Ерофеев, Л.Р. Низамова. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 166–233.

Овчинников А.В. Кровь и плоть воображаемых сообществ: биологизация этничности в дискурсах национальных историй (по материалам постсоветского Татарстана) // Конфликтотенный потенциал национальных историй: сб. науч. статей / отв. ред. и сост. А.В. Овчинников. Казань: Универсум, 2015. С. 177–198.

Овчинников А.В. Новый подход к изучению феномена современной «национальной историографии» (на примере «истории татарского народа») // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 1. С. 79–85.

Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.

Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань: Татполиграф, 1998. 184 с.

Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 337–360.

Уяма Т. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе. Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Мацузато К. (ред.). Саппоро: Центр славянских исследований. 2003. С. 16–51.

Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Древность и средневековье. Казань: Магариф, 2000. 255 с.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа. 1992. 351 с.

Хаким Р.С. Тернистый путь к свободе (Сочинения 1989–2006 гг.). Казань: Татарское книж. изд-во, 2007. 368 с.

Хузин Ф.Ш. и др. История и культура татарского народа (Древний мир и Средние века). Казань: Татарское книж. изд-во, 2011. 207 с.

Хузин Ф.Ш., Пискарев В.И. История Татарстана с древнейших времен до середины XVI века. Казань: Хэтер, 2012. 93 с.

Цвиклински С. 2003 Татари́зм vs. Булгари́зм: «первый спор» в татарской историографии // *Ab Imperio*. 2003. С. 361–390.

Шнирельман В. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // *Вестник Евразии*. 2002. № 4. С. 128–147.

Шнирельман В. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // *Вестник Евразии*, 1998. № 1–2. С. 131–152.

Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.

Alvarez Veinguer A. (Re)Presenting Identities: National Archipelagos in Kazan // *Nationalities Papers*. 2007. № 35 (3). P. 457–476.

Alvarez Veinguer A., Davis H. Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan // *Ethnicities*. 2007. Vol. 7, № 2. P. 186–207.

Davis, H., Hammond P., Nizamova L. Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood // *Nations and Nationalism*. 2000. Vol. 6, № 2. P. 203–226.

Derrick M. The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan Kremlin // *Acta Slavica Iaponica*. 2013. № 33. P. 1–25.

Faller H.M. Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement. Budapest; N.Y.: Central European University Press, 2011. 348 p.

Friedli A. Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan // *Urbanities*. 2012. Vol. 2, № 1. P. 4–17.

Graney K.E. Of Khans and Kremlins: Tatarstan and the Future of EthnoFederalism in Russia. Lanham: Lexington Books, 2009. 226 p.

Kinossian N. Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, № 5. P. 879–901.

Meurs van W. Tatar Textbooks: The Next Matrioshka. *Ab Imperio* // 2003. Vol. 3. P. 407–421.

Rorlich Azode-Ayse History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan // *Communist and Post-Communist Studies*. 1999. Vol. 32, № 4. P. 379–396.

Schamiloglu U. We Are Not Tatars! The Invention Bulgar Identity. In: Károly L., Nagy Kincses É. (ed.). *Néptörténet — Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése*. Szeged: 2001. P. 137–153.

Shnirelman V. Who gets the past? Competition for ancestors among nonrussian intellectuals in Russia. Washington D. C.; Baltimore; L.: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 1996. 98 p.

Zverev A. 'The Patience of a Nation is Measured in Centuries'. National Revival in Tatarstan and Historiography // *Secession, History and the Social Sciences* / eds. B. Coppeters and M. Huysseune. Brussels: VUB Brussels University Press, 2002. P. 69–87.

Источник

Сулейманов Р. В «эпоху Шаймиева» в Татарстане выросло поколение, враждебное к России: мнение // Информационное агентство «Регнум». 20.08.2014. URL: <https://regnum.ru/news/1838520.html> (дата обращения: 25.11.2018).

Список информантов

ВПЭ-1 — Раис Сулейманов, до марта 2014 г. — научный сотрудник Российского института стратегических исследований. В настоящее время — эксперт Института национальной стратегии (Москва) (интервью Н. Карбаинова).

ВПЭ-7 — имам мечети в Татарстане (интервью Г. Юсуповой).

ВППМ-3 — татарка, 22 года, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВППМ-4 — татарин, 26 лет, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВППМ-5 — татарка, 23 года, высшее образование (интервью К. Озеровой).

ВППМ-8 — татарка, 38 лет, высшее образование (интервью К. Озеровой).

ВППМ-9 — татарка 28 лет, высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

ВППМ-10 — татарка 43 года высшее образование (интервью Г. Юсуповой).

БТ-1 — болгар, 20 лет, средне-специальное образование (интервью Р. Митрофанова).

IMAGES OF VOLGA BULGARIA' HISTORY IN POST-SOVIET TATARSTAN: ELITE VERSION AND MASS REPRESENTATIONS

N. Karbainov

Citation: Karbainov N. Obrazy istorii Volzhskoy Bulgarii v postsovetском Tatarstane: versiya elit i massovyye predstavleniya [Images of Volga Bulgaria' history in post-soviet Tatarstan: elite version and mass representations]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2): 107–133. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.4>

Abstract. *The medieval state of Volga Bulgaria occupies an important place in the historical politics of modern Tatarstan. In history is presented in textbooks on history of Tatarstan as the «golden age» and «one of brightest civilizations in Europe». The history of Volga Bulgaria, which is broadcast by the elites in Tatarstan, unlike the history of the Golden Hord, does not contradict the historical politics of modern Russia. At the same time, the history of Volga Bulgaria is used by Tatar elites not only for purposes of historical politics, but also for the formation of the tourist brand of the Tatarstan. For most Kazan residents, the history of Volga Bulgaria on the one hand is the most interesting era in the history of Tatarstan, on the other hand, most Kazan residents do not this era as the «golden age». Also, most Kazan residents experience quite a bit of emotional experience in connection with the history of Volga Bulgaria, in contrast to the events of the 20th century. Therefore, based on results of our empirical research, we can only talk about the «partial Tatarization» (or «partial Bulgarization» in this case) of mass historical consciousness on the part of Tatar elites.*

Keywords: *elite, Tatarstan, national history, mass representations, historical politics, ideology.*

References

- Alvarez Veinguer A., Davis H. Building a Tatar elite. Language and national schooling in Kazan. *Ethnicities*, 2007, 7 (2), pp. 186–207.
- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Community]. Moscow: Kanon-Press-C, 2001. 288 p. (In Russian)
- Assman J. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Remembrance and Political Identity]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 p. (In Russian)
- Davis H., Hammond P., Nizamova L. Media, Language Policy and Cultural Change in Tatarstan: Historic vs. Pragmatic Claims to Nationhood, *Nations and Nationalism*, 2000, 6 (2), pp. 203–226.

Derrick M. The Tension of Memory: Reclaiming the Kazan' Kremlin. *Acta Slavica Iaponica*, 2013, 33, pp. 1–25.

Fakhrutdinov R.G. *Istoriya tatarskogo naroda i Tatarstana. Drevnost' i sredne-vekov'e*. [History of the Tatar people and Tatarstan. Antiquity and the Middle Ages]. Kazan': Magarif, 2000. 255 p. (In Russian)

Faller H.M. *Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement*. Budapest; New York: Central European University Press, 2011. 348 p.

Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznyh stranah mira* [How to tell a history to children in different countries of the world]. Moscow: Vysshaya shkola, 1992. 351 p. (In Russian)

Friedli A. Tatarization of the City: Ethnocultural Youth Identity Management in Kazan, Tatarstan, *Urbanities*, 2012, 2 (1), pp. 4–17.

Gibatdinov M.M. *Prepodavanie istorii tatarskogo naroda i Tatarstana v obshche-obrazovatel'noj shkole: istoriya i sovremennost'* [Teaching the history of the Tatar people and Tatarstan in the general education school: history and modernity]. Kazan': Institut istorii AN RT, 2003. 160 p. (In Russian)

Gilyazov I. Iz opyta prepodavaniya nacional'noj istorii: istoriya tatarskogo naroda v Kazanskom universitete — vchera i segodnya [From the experience of teaching national history: the history of the Tatar people at the University of Kazan' — yesterday and today], *Ab Imperio*, 2000, 3–4, pp. 359–366. (In Russian)

Gilyazov I., Piskarev V.I., Khuzin F.Sh. *Istoriya Tatarstana i tatarskogo naroda s drevnejshih vremen do konca XIX veka* [History of Tatarstan and the Tatar people from ancient times to the end of the XIX century]. Kazan': Heter. 2008. 269 p. (In Russian)

Hakim R.S. *Ternistyj put' k svobode (Sochineniya 1989–2006 gg.)* [A thorny path to freedom (Compositions 1989–2006)]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. 368 p. (In Russian)

Huzin F.Sh. et al. *Istoriya i kul'tura tatarskogo naroda (Drevnij mir i Srednie veka)* [History and culture of the Tatar people (Ancient world and the Middle Ages)]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011. 207 p. (In Russian)

Huzin F.Sh., Piskarev V.I. *Istoriya Tatarstana s drevnejshih vremen do serediny XVI veka* [History of Tatarstan from ancient times to the middle of the 16th century]. Kazan': Heter, 2012. 93 p. (In Russian)

Iskhakov D.M., Izmailov I.L., Gilyazov I.A., Gibatdinov M.M. *Istoriya tatarskogo naroda (s drevnejshih vremen do konca XVII veka)* [History of the Tatar people (from ancient times to the end of the XVII century)]. Kazan': Magarif Press, 2009. 423 p. (In Russian)

Iskhakov S. *Istoriya narodov Povolzh'ya i Urala: problemy i perspektivy «nacionalizacii»* [History of the peoples of the Volga and the Urals: problems and perspectives of “nationalization”]. In: *Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetskom gosudarstvah* [National histories in Soviet and Post-Soviet States]. Ed. by K. Eimermacher, Bordyugov. Moscow: Fridrih Naumann Foundation, AIRO-XX, 1999, pp. 273–295. (In Russian)

Istoricheskaya politika v XXI veke [Historical politics in the 21st century]. Ed. by A. Miller, M. Lipman. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 648 p. (In Russian)

Karbainov N.I. Ideologema 1552 v postsovetском Татарstane: versiya elit i massovyе predstavleniya [Ideology of 1552 in Post-Soviet Tatarstan: Elitist Versions and Mass Representations]. In: *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Ed. by A. Duka, vol. 5. St. Petersburg: Intersotsis, 2018, pp. 211–237. (In Russian)

Karbainov N.I. Obrazy istorii “Tyurkskoj civilizacii” v postsovetском Татарstane: ehlytarnye versii i massovyе predstavleniya [The History of “Turkish Civilization” in post-Soviet Tatarstan: Elitist Versions and Mass Representations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2018, 21 (2), pp. 45–74. (In Russian)

Karbainov N.I. Obrazy revolyucionnyh sobytij 1917–1920-h gg. v postsovetском Татарstane: versii elit i massovyе predstavleniya [Images of Revolutionary events of the 1917–1920s. in post-Soviet Tatarstan: Versions of Elites and Mass Representations], *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [Petersburg sociology today], 2018, vol. 10, pp. 77–98. (In Russian)

Kinossian N. Post-Socialist Transition and Remaking the City: Political Construction of Heritage in Tatarstan. *Europe-Asia Studies*, 2012, 64 (5), pp. 879–901.

Meurs van W. Tatar Textbooks: The Next Matrioshka. *Ab Imperio*, 2003, vol. 3, pp. 407–421.

Mukharyamova LM, Andreeva A.R. Institucionalizaciya nacional'noj shkoly v postsovetской Rossii [Institutionalization of the National School in Post-Soviet Russia]. In: *Etnosociologiya v Tatarstane: opyt polevyh issledovanij. Sbornik statej k yubileyu L.M. Drobizhevoj* [Ethnosociology in Tatarstan: the experience of field research. Collection of articles for the jubilee LM. Drobizheva]. Ed. by R.N. Musina, G.F. Gabdrahmanova, G.I. Makarova, L.V. Sagitova. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2013, pp. 87–115. (In Russian)

Nacional'nye istorii na postsovetском prostranstve — II [National History in Post-Soviet Space — II]. Ed. by F. Bomsdorf, G. Bordyugov Moscow: Fridrih Naumann Foundation; AIRO-XX, 2009. 432 p. (In Russian)

Nacional'nye istorii v sovetskom i postsovetском gosudarstvah [National histories in Soviet and Post-Soviet States]. Ed. by K. Eimermacher, G. Bordyugov. Moscow: Fridrih Naumann Foundation; AIRO-XX, 1999. 372 p. (In Russian)

Nizamova L.R. Media-produkt i “nacional'naya” ideologiya: kejs-stadi Vsemirnogo kongressa tatar [Media product and “national” ideology: the casestudy of the World Congress of Tatars]. *Postsovetская kul'turnaya transformaciya: media i ehlnichnost' v Tatarstane* [Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan]. Ed. by S.A. Yerofeev, L.R. Nizamova. Kazan': KGU Press, 2001, pp. 166–233. (In Russian)

Ovchinnikov A.V. Krov' i plot' voobrazhaemyh soobshchestv: biologizaciya ehlnichnosti v diskursah nacional'nyh istorij (po materialam postsovetского

Tatarstana) [The blood and flesh of imaginary communities: the biology of ethnicity in the discourses of national histories (based on the materials of postSoviet Tatarstan)]. *Konfliktogennyj potencial nacional'nyh istorij* [Conflictogenic potential of national histories]. Ed. by A.V. Ovchinnikov. Kazan': Universum, 2015, pp. 177–198. (In Russian)

Ovchinnikov A.V. Novyj podhod k izucheniyu fenomena sovremennoj «nacional'noj istoriografii» (na primere «istorii tatarskogo naroda») [A new approach to the study of the phenomenon of modern “national historiography” (on the example of “the history of the Tatar people”)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2010, 1, pp. 79–85. (In Russian)

Repina L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and the problems of historiography (historiographical notes)]. Moscow: GU VSHE, 2003. (In Russian)

Rorlich Azode-Ayse. History, Collective Memory and Identity: the Tatars of Sovereign Tatarstan. *Communist and Post-Communist Studies*, 1999, 32 (4), pp. 379–396.

Sagitova L.V. *Etnichnost' v sovremennom Tatarstane* [Ethnicity in modern Tatarstan]. Kazan': Tatpoligraf, 1998. 184 p. (In Russian)

Schamiloglu U. We Are Not Tatars! The Invention Bulgar Identity. In: *Néptörténet — Nyelvtörténet. A 70 éves Róna-Tas András köszöntése*. Eds. L. Károly, É. Nagy Kincses. Szeged, 2001, pp. 137–153.

Shnirelman V. Identichnost' i obrazy predkov: tatory pered vyborom [Identity and images of ancestors: Tatars before the choice]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2002, 4, pp. 128–147. (In Russian)

Shnirelman V. *Who gets the past? Competition for ancestors among nonRussian intellectuals in Russia*. Washington D. C.; Baltimore; London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 1996. 98 p.

Shnirelman V.A. *Vojny pamyati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [The war of memory. Myths, identity and politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga, 2003. 592 p. (In Russian)

Usmanova D. Sozdavaya nacional'nyu istoriyu tatar: istoriograficheskie i intellektual'nye debaty na rubezhe vekov [Creating the national history of the Tatars: historiographical and intellectual debates at the turn of the century]. *Ab Imperio*, 2003, 3, pp. 337–360. (In Russian)

Uyama T. Ot «bulgarizma» cherez «marrizm» k nacionalisticheskim mifam: diskursy o tatarskom, chuvashskom i bashkirskom ehtnogeneze [From “Bulgarism” through “marrism” to nationalistic myths: discourses about the Tatar, Chuvash and Bashkir ethnogenesis]. In: *Novaya volna v izuchenii ehtnopoliticheskoj istorii Volgo-Ural'skogo regiona* [A new wave in the study of the ethnopolitical history of the Volga-Ural region]. Ed. K. Macuzato. Sapporo: Center for Slavic Studies, 2003, pp. 16–51. (In Russian)

Zverev A. ‘The Patience of a Nation is Measured in Centuries’. National Revival in Tatarstan and Historiography. In: *Secession, History and the Social Sciences*. Ed. by

B. Coppieters, M. Huysseune. Brussels: VUB Brussels University Press, 2002, pp. 69–87.

Zwicklinski S. Tatarizm vs. Bulgarizm: “pervyj spor” v tatarskoj istoriografii [Tatarism vs. Bulgarism: “the first dispute” in Tatar historiography]. *Ab Imperio*, 2003, vol. 3, pp. 361–390. (In Russian)